

Э.Е.Маркс, К.Монигал

## КОНЕЦ СРЕДНЕГО И НАЧАЛО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА В КРЫМУ В СВЕТЕ МАТЕРИАЛОВ СТОЯНКИ БУРАН-КАЯ III

**Anthony E Marks, Katherine Monigal. The Middle to Upper Paleolithic Interface in Crimea, with Particular Reference to Buran-Kaya-III, Eastern Crimea.** The Crimean site of Buran-Kaya-III, a partially collapsed rockshelter on the Burulcha River, just south of Belogorsk, has a remarkably long stratigraphic sequence, spanning from the Neolithic to the late Middle Paleolithic. It is the only known site on the peninsula, furthermore, to contain both Upper Paleolithic and Middle Paleolithic occupations, but while the expected stratigraphic sequence would have an Early Upper Paleolithic (Aurignacian) overlying a «transitional» industry, which itself should overlie a terminal Mousterian, this is not the case.

The lower part of the stratigraphic sequence at Buran-Kaya-III is as follows, from top to bottom, with their associated absolute dates:

Gravettian	(no dates)
Aurignacian	30,000BP
Kiik Koba Micoquian	28,000BP
Level C "Eastern Szeletian"	32,000BP/36,000BP
Level D "washed"	(no dates)
Level E "blade assemblage"	(no dates)

The Aurignacian assemblage is quite small, but displays some similarities to the occupations at Siuren I in western Crimea, which is dated to the same time. The assemblage of Level B is in every way quite typical of the Kiik Koba type Micoquian, although the dates are unexpectedly young. The underlying three assemblages are all unknown in Crimea, and their presence suggests that in eastern Crimea, at least the Middle Paleolithic continued unabated, while changes were taking place elsewhere.

Level C, referred to provisionally as an Eastern Szeletian, is a completely bifacial industry with both Middle and Upper Paleolithic tool types, including finely made asymmetric bifacial knives and bifacially retouched trapezoidal microliths. In addition, the assemblage contains numerous bone tubes, possibly used as handles. While the Level C type assemblage is unknown elsewhere in Crimea, elements in the assemblage, particularly the specific bifacial reduction strategies, point to connections with the early Streletskayan assemblages of the Kostienki-Borshchevo region and may represent an early manifestation of that development.

The assemblage from Level D represents a washed scattering of artifacts. It is quite small and dominated by chips and broken artifacts so that it is difficult to characterize; tools are limited to a few sidescrapers, denticulates, and retouched pieces. On the other hand, the assemblage from Level E, while still rather small, is quite distinctive. The reduction strategy apparent in the materials is almost exclusively hard hammer prismatic blade, although the few retouched tools have no Upper Paleolithic character; they are quite typically Middle Paleolithic for Crimea.

While work is ongoing at Buran-Kaya-III, it is apparent that the period spanning the terminal Middle Paleolithic into the Early Upper Paleolithic in Crimea was quite complex, with numerous groups moving in and out of the area, with seemingly little effect on each other. The late dates for the end of the Crimean Middle Paleolithic at this and other sites on the peninsula, suggests that the Micoquian and Mousterian groups persisted until quite late and were at least partially contemporaneous with sporadic Aurignacian occupations after 30,000 BP.

### Введение

Хотя быстрое замещение среднего палеолита верхним постулируется для всей Европы в целом (e.g., Stringer, Gamble 1993; Mellars 1996), действительное и стратиграфически докумен-

тированное соотношение среднего и верхнего палеолита все еще остается повсеместно неясным (e.g., Svoboda et al. 1996; d'Errico et al. 1998; Kozłowski 1998). Резкая смена мустье ори-

ньком на западе Европы, многими рассматриваемая как свидетельство простого замещения (e. g., Var-Yosef 1998), не характерна для Центральной и Восточной Европы, да и для Западной, вполне возможно, тоже сомнительна (d'Errico et al. 1998). В Центральной и Восточной Европе «начальный» верхний палеолит/ориньяк ограничен в основном южными областями, распространен очень неравномерно и появляется в разных районах далеко не одновременно. Согласно традиционным воззрениям, здесь имело место общее хронологическое и эволюционное развитие от местного среднепалеолитического микрока к различным фациям переходного комплекса (напр., богунисьен, или ранние верхнепалеолитические индустрии с листовидными изделиями, такие, как селет), подвергавшееся или не подвергавшееся влияниям извне (Oliva 1991), а затем внезапное появление, а в некоторых районах, возможно, местное вызревание, ориньяка (Zeberga 1958). Таким образом, граница между средним палеолитом (мустье) и верхним (ориньяк), принятая для Западной Европы, является проблематичной в Центральной и Восточной Европе, где ситуация усложняется существованием переходных или ранних верхнепалеолитических культур, не являющихся по природе своей ориньякскими.

Оценка широко распространенной модели замены среднего палеолита верхним в результате смены населения особенно затруднена растущим осознанием того, что главный критерий, традиционно служивший для отделения среднего палеолита от верхнего, т.е. производство отщепов против производства пластин (e.g., Oakley 1961; Gamble 1986), не имеет более универсального значения и для Восточной Европы его применение, по меньшей мере, не безусловно. Преобладание производства пластин хорошо документировано для чисто среднепалеолитических в иных отношениях комплексов (e.g., Otte et al. 1990; Révillion 1993; Marks, Monigal 1995; Chabai 1998; Chabai in press), тогда как многие индустрии, определяемые как, несомненно, верхнепалеолитические, содержат значительное количество отщепов (e.g., Gilead 1981; Amirkhanov et al. 1993; Marks, Almeida 1996). Кроме того, на востоке Европы, в отличие от запада, техника двусторонней обработки была важной чертой как среднепалеолитического микрока, так и части ранних верхнепалеолитических индустрий, таких как селет, янковичан и стрелецкиан (Prosek 1953; Bader 1978; Gábori-Csánk 1993). В Западной Европе двусторонняя обработка обычно связана с нижним и средним палеолитом (Bordes 1984; Mellars 1996), но в Центральной и Восточной Европе она является важнейшей характеристикой также и верхнего палеолита.

Типологические критерии, применяемые для разделения среднего и верхнего палеолита Восточной Европы, не более надежны чем крите-

рии технические. Большинство известных ранних верхнепалеолитических комплексов включают значительное количество среднепалеолитических элементов (скребла, остроконечники, зубчато-выемчатые изделия), что делает сомнительным существование четкого типологического разрыва между двумя периодами (Bordes 1984; Amirkhanov et al. 1993; Karavanic in press).

Даже хронометрическое датирование утрачивает придававшееся ему долгое время диагностическое значение. Теперь уже неясно, можно ли, как это делали раньше, считать границей между средним и верхним палеолитом время около 35000 л. н. (e.g., Camps 1982; Gamble 1986; Mellars 1996). Мало того, что для «ориньяка» крайнего запада Европы, а также для верхнего палеолита Центральной и Восточной Европы, есть даты порядка 38-40 тыс. л. н. (Bischoff et al. 1989; Richter et al. in press; Tsonev in press; Uthmeier in press), но и для среднего палеолита этих регионов имеются не менее убедительные даты порядка 28-30 тыс. л. н. (e.g., Chabai 1998; Zilhão 1998; Carcimaru, Anghelina in press), свидетельствующие о продолжительном периоде сосуществования для Европы в целом.

Хотя прямое калибрование было предложено даже для радиоуглеродных дат древности более 40000 л. н. (van Andel 1998), ситуация кажется гораздо более сложной (Jöris, Weninger 1998; van Andel 1998; Pettitt, Trinkaus in press). Выделяется, по меньшей мере, одно радиоуглеродное «плато» в диапазоне между примерно 31000 и 36000 л. н. (Jöris, Weninger in press) и, возможно, еще одно плато, меньшего масштаба, около 30000 л. н. (van der Plicht 1999). Таким образом, для большей части этого периода (от 30000 до 36000 л. н.) надежное упорядочение событий посредством радиоуглеродных определений просто невозможно, что делает еще более трудноразрешимой проблему построения хронологических последовательностей, особенно для групп комплексов из непрерывающихся слоев, например, на юге Русской равнины (Bogutskij et al. 1997). Поскольку во многих районах Центральной и Восточной Европы конец среднего и начало верхнего палеолита приходится на период от 40000 до 30000 л. н., трудно ожидать, что абсолютные даты сами по себе могут обеспечить надежную и убедительную хронологию для археологии этого периода.

Хотя уже среднепалеолитический микрока демонстрирует значительную географическую вариативность по всему ареалу своего распространения от Бельгии (Cahen 1984) и Германии (Richter 1997) до Северного Кавказа (Golovanova et al. 1999), наибольшая степень внутри- и межрегиональной технологической и типологической изменчивости наблюдается в самом конце этого периода, во время существования «переходных» индустрий. Чрезвычайно трудно определить, где переход был следствием местного

развития, а где произошел в результате смены населения в конце микока, и трудно также дифференцировать постмикокские «переходные» индустрии.

Для рассматриваемого периода, когда могло совершаться столь много событий, стратиграфические колонки отдельных памятников приобретают небывалую важность. К сожалению, в Восточной Европе очень мало

памятников с четкой стратиграфией, включающей микок, переходную индустрию и ранний верхний палеолит. Столь полная стратиграфия была обнаружена на крымской стоянке Буран-Кая III, и она показывает, что простая, хронологически упорядоченная последовательность от микока через переходную индустрию к верхнему палеолиту не обязательна, по крайней мере, для Крыма.

### Буран-Кая III: открытие и расположение

Буран-Кая III находится на северном краю второй крымской горной гряды в узкой долине реки Бурулча, примерно в 15 км к юго-западу от Белогорска (рис. 1). Расположенный в восточной части долины на высоте около 8 м над современным уровнем реки, памятник представляет собой небольшой обрушившийся скальный навес шириной 5 м и глубиной 6 м от первоначальной капельной линии. Стоянка была обнаружена А.Яневичем в ходе обследования долины в 1990 г. (Yanevich et al. 1996). В том же году в 3 м от тыльной стены навеса был заложен шурф, доведенный почти до скальной поверхности и вскрывший необычайно полную колонку культурных напластований: от эпохи поздней бронзы до среднего палеолита. (Yanevich et al. 1996). Разборка среднепалеолитических отложений производилась условными уровнями по 5-10 см (Yanevich et al. 1996); пять выделенных

при этом горизонтов не были сколько-нибудь подробно описаны.

В 1994 г. памятник снова исследовал А.Яневич, на этот раз совместно с М.Ямадой. Особое внимание было уделено отложениям периода среднего палеолита. В шурфе площадью 6 м<sup>2</sup> было выявлено – вновь с использованием условных уровней – четыре среднепалеолитических слоя (слои 7-10) (Yamada 1996: 12), которые впоследствии все были описаны как восточномикокские (Yamada 1996; Yamada, Yanevich 1997).

В 1996 г. раскопки были продолжены А.Яневичем и группой участников международного крымского проекта во главе с В.Чабаем. А.Яневич (Институт археологии, Киев) и М.Отт (университет Льежа) исследовали после-среднепалеолитические отложения, а Ю.Демиденко, В.Чабай и авторы настоящей статьи сконцент-

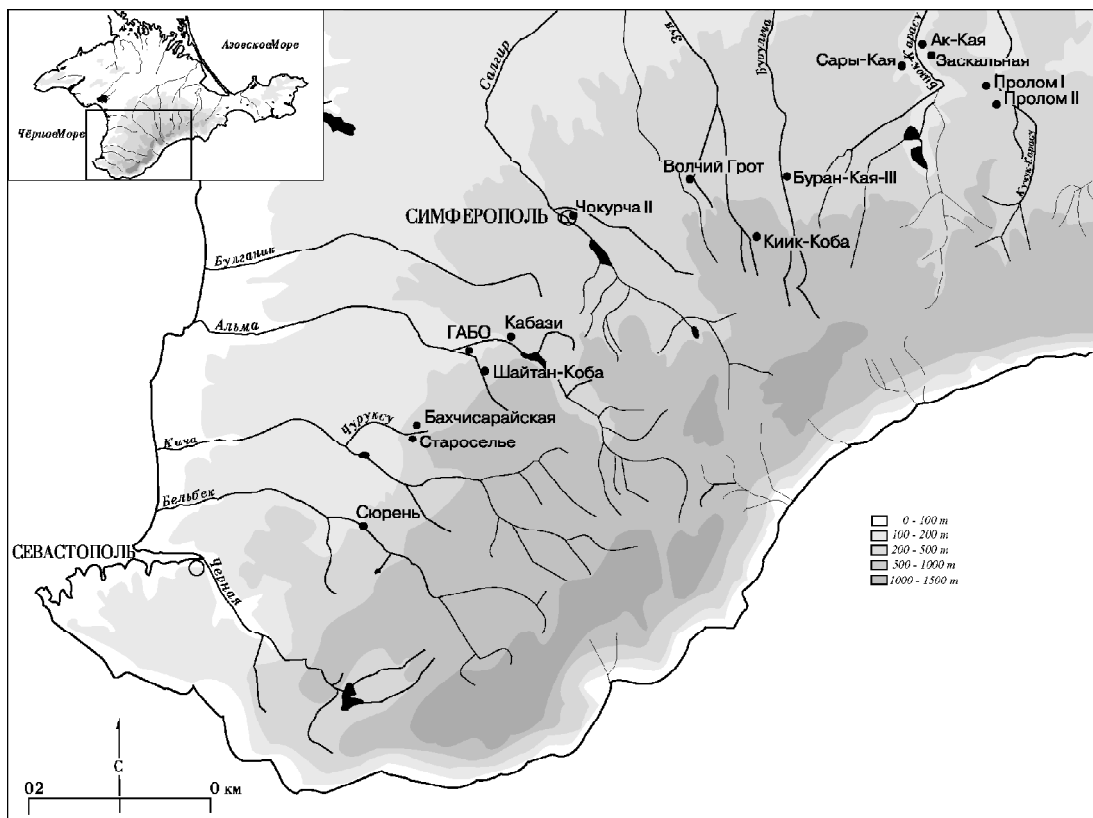


Рис. 1. Среднепалеолитические и верхнепалеолитические памятники южного Крыма.

рировались на среднем палеолите. В основном раскопки 1996 г. заключались во вскрытии среднепалеолитических слоев (Marks in press), хотя в ходе выравнивания профиля у задней стенки

навеса были обнаружены и более поздние материалы, включающие немногочисленные артефакты и образцы кости для AMS датирования с четкой стратиграфической привязкой (см. ниже).

### Стратиграфия памятника

Стратиграфический контакт между верхнепалеолитическими индустриями (граветт и ориньяк) и средним палеолитом (восточный микок) прослеживался у задней стенки навеса в старых слоях 22/23, где было найдено несколько сколов утончения бифасов, характерных для микока киик-кобинского типа, в то время как «верхнепалеолитические» типы отсутствовали. (рис. 2, верх). Ближе к передней части навеса контакт был разорван стерильным слоем, а еще дальше от задней стенки, в районе обрушившегося козырька, как этим же стерильным слоем, так и отложениями, снесенными сверху, с севера, и обозначаемыми как среднепалеолитический слой А (рис. 2, низ). На раскопанном участке было выявлено четыре стратиграфически обособленных культурных слоя, начиная с киик-кобинского (слой В). Не все эти слои, однако, заходили далеко вглубь навеса. Слой В был лишь едва обозначен у задней стенки, слой С

прослеживался по одному или двум артефактам, а два нижних слоя (D и E) заканчивались примерно в 4 м от стенки, что делает их площадь весьма ограниченной.

Когда два стратиграфических разреза, все еще существовавших в 1996 г., были соединены, стало очевидно, что четкая последовательность залегающих *in situ* верхнепалеолитических слоев перекрывает серию слоев, кажущихся среднепалеолитическими и также лежащих *in situ*. Если исключить поздние доисторические отложения, то стратиграфическая последовательность средне- и верхнепалеолитических слоев Буран-Каи III выглядит следующим образом (сверху вниз): граветт (слои 17/18), ориньяк (?) (слой 20), восточный микок киик-кобинского типа (прежние слои 22/23, ныне слой В), «восточный селет» (слой С), испытавшие смещение среднепалеолитические материалы (слой D) и в самом низу безмянный пластинчатый комплекс (слой E).

### Комплексы каменного инвентаря

Несмотря на то, что слои от В до Е были исследованы на одинаковой площади, происходящие из них материалы отличаются как в количественном отношении, так и по сохранности. Что же касается относимых к раннему верхнему палеолиту находок из слоев 17/18 и 20, то они получены в процессе зачистки разреза и очень малочисленны. Граветтский слой содержал типичные острия граветт и характерные для этой индустрии пластинки с краевой ретушью (Pierre Noiret, personal communication). Комплекс ориньякского слоя 20 чрезвычайно мал. Хотя было обнаружено единичное острие типа кремс, а также несколько пластинок с краевой ретушью и срединных резцов на толстых отщепах, комплекс не содержал ни пластинок дюфур, ни каких бы то ни было кареноидных орудий, составляющих важный компонент крымского ориньяка в Сюрени I (Demidenko et al. in press).

Слой В, напротив, дал буквально тысячи артефактов, залегавших в первоначальном контексте, не подвергшихся выветриванию и довольно равномерно распределенных в отложениях двадцатисантиметровой мощности, богатых обломочным материалом и окрашенных органикой. Комплекс слоя С, также обнаруженный в явно не потревоженном состоянии, оказался далеко не столь большим: он включал менее 2100 артефактов, из которых 90% составляли отходы процесса раскалывания. Находки залегали тонкой полосой, напоминающей настоящий жилой горизонт (*living floor*), в мелкозер-

нистой палевой супеси, практически лишенной включений обломочного материала. Артефакты из разных видов сырья концентрировались по отдельности, что позволяет говорить о конкретных эпизодах раскалывания. Находки из слоя D были распределены по двадцатисантиметровой щебнистой толще, включающей также более рыхлые отложения (*finer sediments*). Здесь найдено всего 390 вещей, более 95% которых представляют отходы. В отличие от других комплексов, этот являл явные признаки перемещения в виде смятости краев изделий и некоторой заполированности поверхностей. Комплекс слоя Е был связан с северо-восточным углом раскопа, находки залегали в суглинистых отложениях и имели вертикальное распределение порядка 10 см. Было найдено около 1500 вещей, 92% которых составляли отходы раскалывания. Хотя поверхности и края нескольких артефактов несли следы естественных повреждений, перемещение было незначительным и по большей части комплекс залегал в первоначальном контексте. Различия в величине и тафономии комплексов должны учитываться при сравнении их между собой.

#### Слой В, микок киик-кобинского типа

Основным сырьем служил серо-черный мелкозернистый кремний в виде довольно тонких плиток. Значительную долю изделий составляют ретушированные орудия, отмечается высокий индекс отношения сколов к нуклеусам. Комплекс весьма однороден в типологическом и

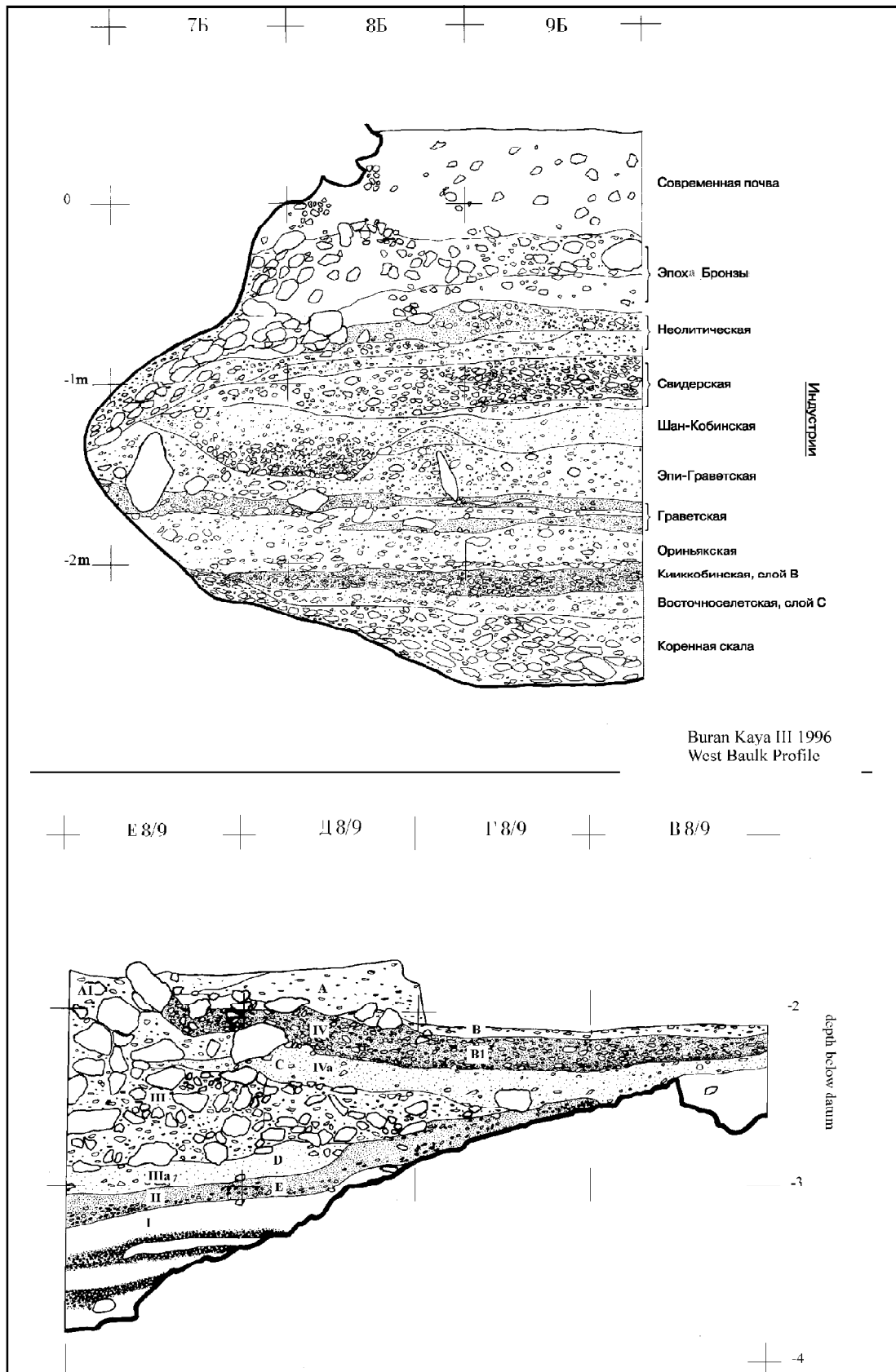


Рис. 2. Стратиграфия Буран-Кай III: верх—северный профиль; низ—разрез по линии восток-запад, показывающий самые нижние культурные слои (буквы) и геологическую последовательность (римские цифры). Жирная линия внизу обозначает скальный пол.

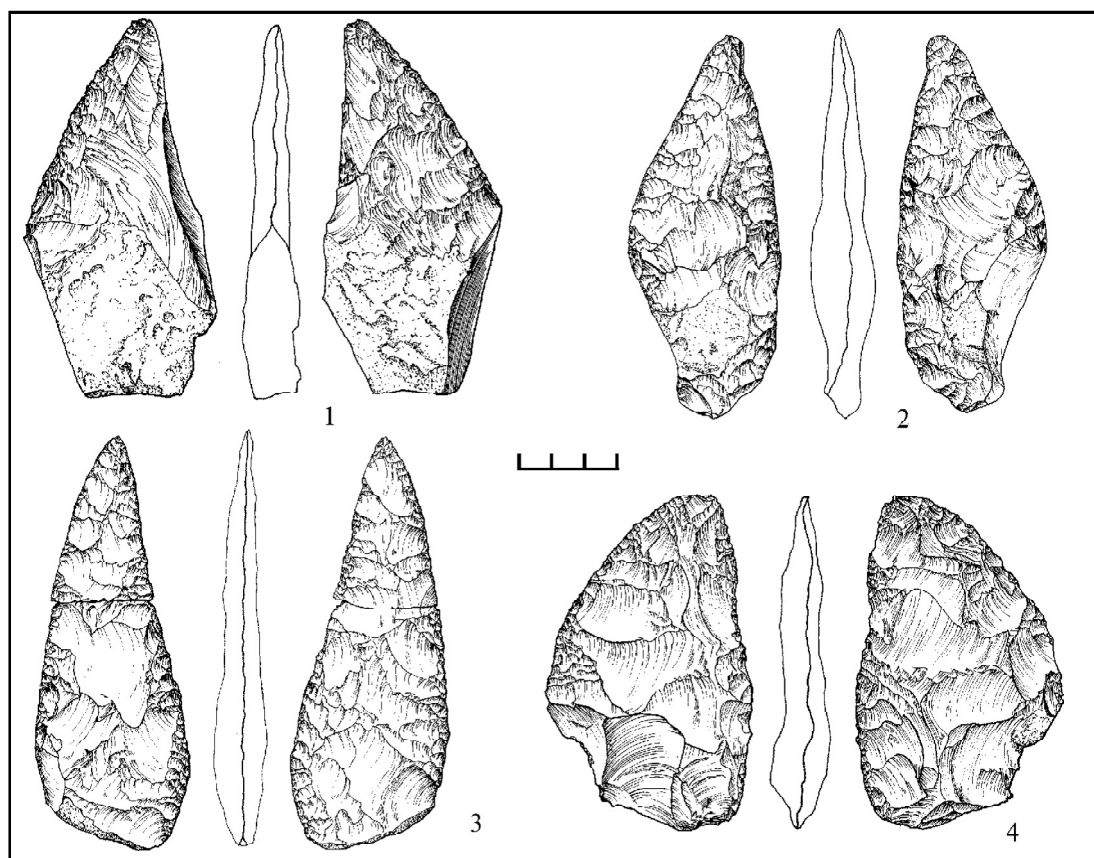


Рис. 3. Буран-Кая III, слой С: листовидные бифасы.

технологическом отношении и обладает такими, типичными для киик-кобинской индустрии, характеристиками, как малый размер орудий, преобладание острий, включая двусторонние, относительно малое число скребел и зубчатых изделий, доминирование радиальных и дисковидных нуклеусов (Y. Demidenko, personal communication). Эта индустрия хорошо известна в восточном Крыму по ряду памятников (e.g., Bonch-Osmolowski 1940; Kolosov 1979; Kolosov 1983; Stepanchuk 1991). Она не демонстрирует ни малейшей тенденции в направлении верхнепалеолитической типологии или технологии, и в Киик-Кобе была связана с неандертальцами (Bonch-Osmolowski 1941, 1954).

#### Слой С, «Восточный селет»

Кремень, использовавшийся в этом слое, очень разнообразен по цвету и структуре и происходит, вероятно, из другого источника, чем кремень, использовавшийся в киик-кобинской индустрии слоя В. Наиболее характерная для слоя С форма сырья — тонкие кремневые плитки (plaquettes), которые встречаются в 25 км от памятника. Кроме того, имеется несколько плоских галек, которые были, по-видимому, повсеместно распространены в данном районе. Возможно, именно тонкостью приносимых на стоянку плиток и галек, затруднявшей и делавшей малопродуктивным применение традиционных методов эксплуатации ядрищ, объясняется тот

факт, что расщепление было почти исключительно бифасиальным, и по существу, все обнаруженные заготовки, как с ретушью, так и без нее, являются результатом двустороннего скалывания.

В то время как настоящих нуклеусов в данном комплексе нет, он содержит ряд заготовок бифасов, которые, вместе с законченными листовидными изделиями, давали заготовки, использовавшиеся для производства односторонних орудий. Двусторонняя обработка осуществлялась в две стадии. Сначала плитки превращались в заготовки бифасов посредством снятия относительно крупных сколов с широкими площадками и зачастую с петлеобразным окончанием. Обе поверхности заготовки обрабатывались одновременно. После того как форма изделия была в общих чертах намечена, началось его вторичное утоньшение, затрагивавшее также обе стороны (полностью) и придававшее вещи законченную листовидную форму. Сколы, снимавшиеся на этой второй стадии, были мелкими, плоскими и узкими, что свидетельствует о высокой степени контроля над процессом утоньшения. Снятию сколов предшествовала подготовка площадок, производившаяся с помощью пришлифовки. Листовидные бифасы, являющиеся итогом такой обработки, обычно асимметричны и имеют двояковыпуклое сечение (рис. 3). Отдельные бифасиальные из-

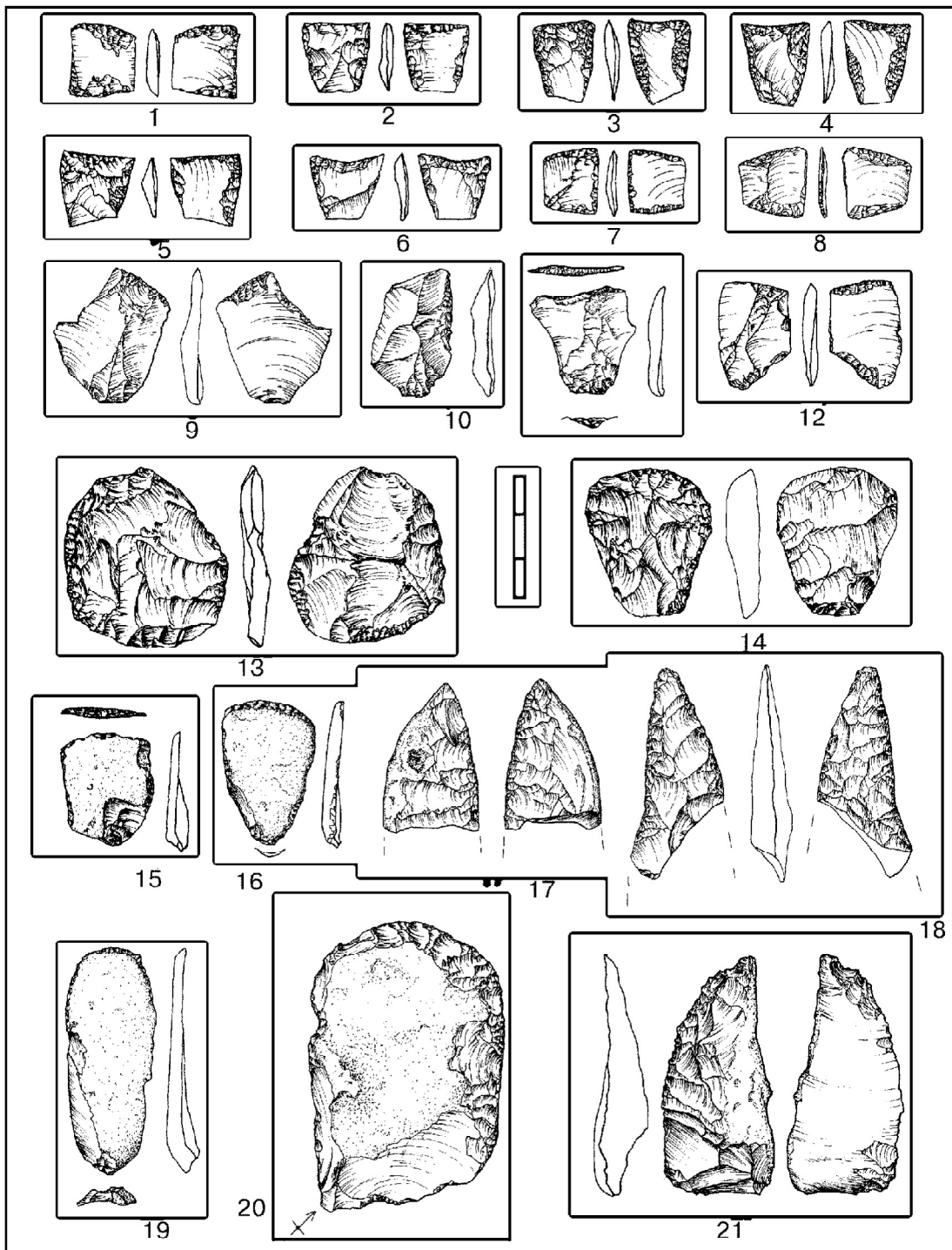


Рис. 4. Буран-Кая III, слой С: 1-8—трапециевидные микролиты; 9-12—незаконченные трапециевидные микролиты; 13-14—орудия с чешуйчатой подтеской; 15-16, 19-20—скребки; 17-18—листовидные бифасы; 21—зубчатое орудие.

деля с естественным обушком (корковым или образованным трещиной) похожи на *Keilmesser* из микока Германии, хотя они тоньше и более интенсивно обработаны, чем типичные *Keilmesser*.

Односторонне ретушированные орудия относительно редки, самые крупные из них сделаны в основном на первичных — т.е. наиболее толстых и грубых — сколах. Представлены од-

носторонние орудия скребками с ретушью по обоим краям, *pièces esquillées*, несколькими зубчатыми изделиями и скребками (рис. 4). Орудий с обушком, с усечением, резцов и проколов не обнаружено, и нет также свидетельств использования каких бы то ни было видов пластинчатой технологии, леваллуазского метода и вообще эксплуатации нуклеусов.

Наряду с листовидными бифасами, для ком-

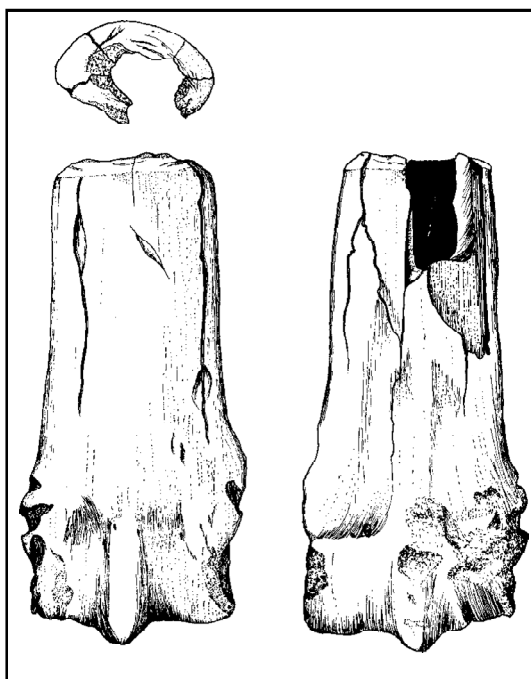


Рис. 5. Буран-Кая-III: слой С: костяная рукоятка, изготовленная из метатарзии лошади.

плекса характерны орудия, которые лучше всего описать как двусторонне ретушированные трапециевидные микролиты (рис. 4:1-8). По форме, размеру и весу они представляют собой исключительно стандартизированную группу изделий. Два, три или четыре края несут мелкую, плоскую, тонко выполненную перекрывающуюся ретушь, которая приурочена в основном к кромке, в то время как большая часть обеих поверхностей остается ею не затронутой. Имеются также многочисленные вещи, которые выглядят, как незаконченные трапециевидные изделия. Это более крупные, неправильной формы отщепы с обработанными ретушью (иногда односторонней) краями (рис. 4: 9-12). Как «законченные», так и «незаконченные» трапеции сделаны на тонких плоских сколах, получающихся при обработке бифасов. Взятые вместе, они представляют собой доминирующий (свыше 30%) и безусловно наиболее обособленный тип орудий. Хотя эти орудия ассоциируются обычно с мезолитом, нет сомнения, что они являются частью описанного комплекса: они сделаны из того же сырья, что и листовидные бифасы и другие артефакты, их заготовки по размерам и технологическим характеристикам вполне вписываются в данную индустрию, а использовавшаяся для их обработки ретушь похожа на ретушь, наблюдаемую на орудиях иных типов.

В ходе раскопок был обнаружен также ряд намеренно модифицированных костяных объектов, включая трубочки длиной 6-7 см. Они изу-

чаются и описываются Ф. д'Эррико из университета Бордо (d'Errico, Laroulandie in press). Кроме этих костяных трубочек сходным образом обработана плюсневая кость лошади (Yanevich, Marks, and Uergmann 1997), которая, видимо, была рукояткой (рис. 5).

Пока, в предварительном плане, комплекс слоя С Буран-Кая III обозначается как «восточный селет». Это обычный термин, используемый для выделения неориньякских ранних верхнепалеолитических индустрий Восточной Европы, характеризующихся развитой бифасиальной обработкой (e.g., Efimenko 1956; Anikovitch 1992). В то время как в Крыму комплексов такого типа больше неизвестно, отдельные черты, — в частности, специфические технологии двусторонней обработки — указывают на связи с ранними стрелецкими памятниками Костенковско-Боршевского района на среднем Дону (Amirkhanov et al. 1993) и могут представлять собой одно из ранних проявлений развития в этом направлении.

#### Слой D

Каменный инвентарь слоя D довольно малочислен и представлен преимущественно отходами. Среди редких орудий (их лишь 10) два скребла, три зубчатых изделия с сильно поврежденными краями, один предмет с предположительно выемкой и два скола с ретушью (рис. 6). Малочисленные неретушированные сколы, как и орудия, имеют побитые края, и даже на осколках видны явные признаки естественной деформации края. В данном случае трудно быть уверенным даже, что все эти вещи относятся к одному комплексу.

#### Слой E

Этот комплекс, средний по величине, дает мало материалов, связанных с эксплуатацией нуклеусов. Число первичных сколов невелико, а число сколов подправки нуклеусов еще меньше, что заставляет предполагать, что первичное раскалывание велось либо вне памятника, либо в какой-то его части, остающейся пока не раскопанной. Нет и никаких признаков двустороннего скалывания. В отличие от вышележащих комплексов, комплекс слоя E характеризуется значительной долей в его инвентаре пластин (lam = 37). Это прямоугольные пластины с параллельными краями, плоские в профиль, снявшиеся с одноплощадочных нуклеусов с помощью твердого отбойника. Среди немногочисленных орудий (36) преобладают зубчатые изделия, сколы и обломки с ретушью и скребла. Половина орудий сделана на пластинах (рис. 6). Имеются три приостренных орудия с дистальной ретушью, имеющих среднепалеолитический облик, но интенсивная ретушь, характерная для наконечников крымского микока, на них отсутствует.

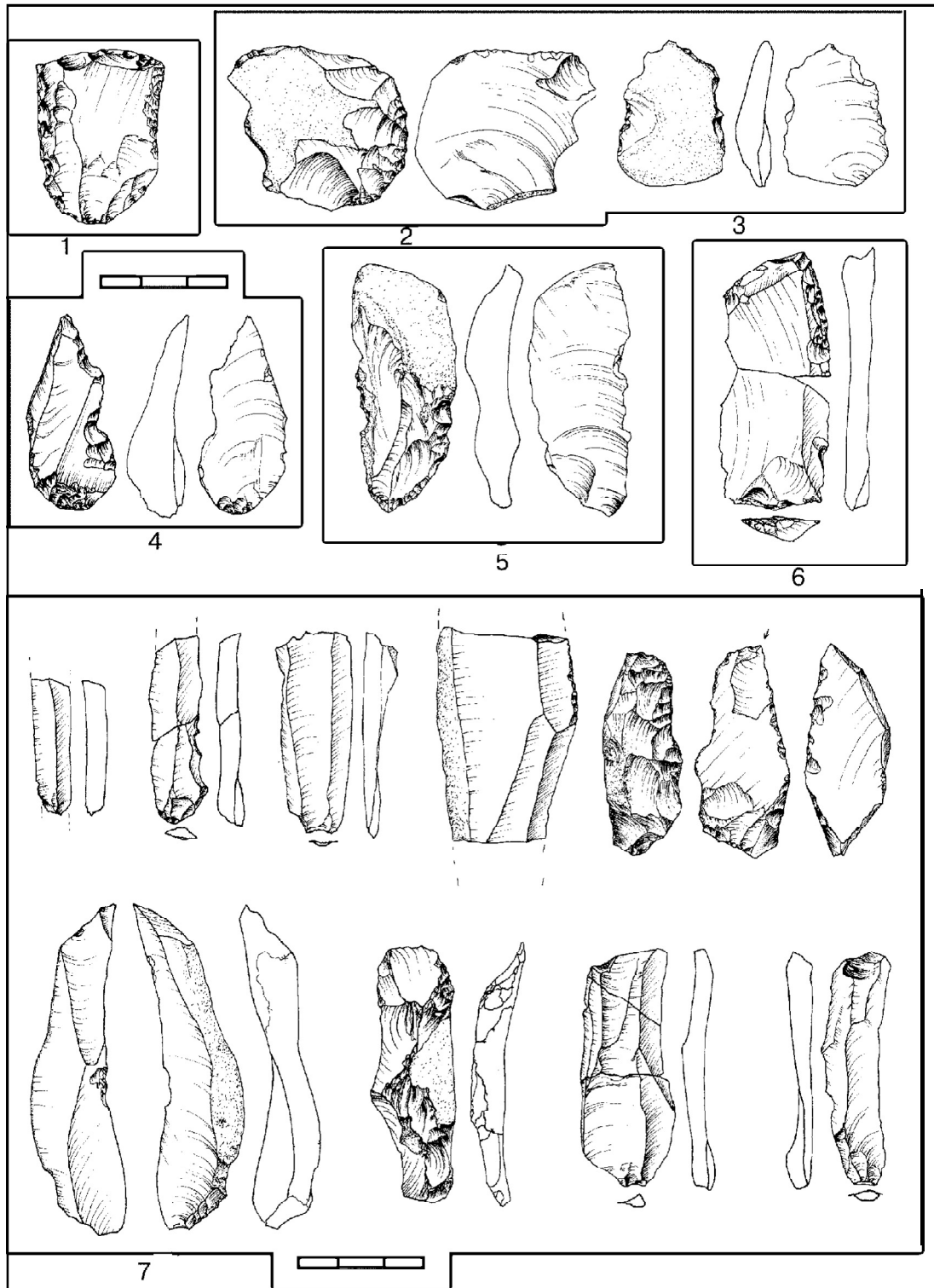


Рис. 6. Буран-Кая-III: слой D (1-6) и слой E (7-15).

### Абсолютное датирование Буран-Кай-III

Хотя стратиграфия нижних слоев Буран-Кай III четкая, общая их мощность составляет менее 70 см, и это заставляет предполагать, что, несмотря на значительную вариабельность ар-

хеологических комплексов, временной диапазон их существования мог быть достаточно узок. Первые попытки получить абсолютные даты были предприняты уже на разведочной стадии

работ, до того как стратиграфия была хорошо изучена. Ряд костей из раскопок Яневича 1990 г. был отобран для АМС датирования в рамках проекта, осуществлявшегося оксфордской радиоуглеродной лабораторией и макдональдовским институтом. Эти даты, опубликованные в ряде работ (Hedges et al. 1996; Allsworth-Jones in press), проблематичны, поскольку стратиграфическая позиция каждого образца оценивалась посредством проецирования глубины их залегания на разрез 1994 г., находящийся в трех метрах от шурфа 1990 г. В то время еще не было установлено, что в районе шурфа ряд слоев залегает с выраженным наклоном. Вследствие этого образцы, скоррелированные по абсолютной глубине с «ориньяком» разреза, расположенного в 3 м ближе к тыльной стенке навеса, дали даты  $11900 \pm 150$  л.н. и  $11950 \pm 130$  л.н.. Образец, залегающий, согласно корреляции по глубине, над микроком киик-кобинского типа и связывавшийся с индустрией, которая описывалась, как сходная со стрелецкой (вероятно, смешанный материал из слоев А и В) дал дату  $28700 \pm 620$  л.н., тогда как для двух горизонтов, сопоставимых по глубине с киик-кобинским сло-

ем в разрезе, были получены близкие даты  $33210 \pm 900$  л.н. и  $32710 \pm 940$  л.н. (Hedges et al. 1996). За исключением «ориньякских» дат, все остальные попадают в рамки, установленные недавно полученными определениями возраста. Проблема заключается не в самих датах, а в том, что связь между каждой из них и ее археологическим коррелятом под вопросом.

В ходе раскопок 1996 г. из среднепалеолитических и ранних верхнепалеолитических слоев были отобраны многочисленные образцы кости для АМС датирования в оксфордской радиоуглеродной лаборатории (Pettitt in press). Группа дат (табл. 1) находится в интервале от 30000 до 36000 л. н., соответствующем радиоуглеродному «плато» (Jöris, Weninger in press), и, следовательно, они не могут быть дифференцированы. Однако даже если бы последнее было возможно, оставалось бы значительное временное перекрытие между датами, предполагающее, что каждый из соответствующих комплексов был более или менее одновременен с по меньшей мере одним другим. Фактически, лишь стратиграфическая последовательность позволяет упорядочить слои во времени.

### Обсуждение

Учитывая временную близость нижних слоев Буран-Каи III, можно было бы ожидать, что их технологические и типологические характеристики будут сходными, а возможные фациальные различия рассматривать как всего лишь отражение функциональной специфики комплексов. Возможен также соблазн, рассматривать столь тесное хронологическое «роение» пяти различающихся индустрий как следствие чересчур рьяного классифицирования. И то и другое, однако, в данном случае неверно. Скорее, каждый из этих слоев и технологически и типологически представляет собой особое явление. Фактически, несмотря на более чем столетнюю историю исследований преистории Крыма, индустрии, подобные обнаруженным в слоях С и Е, были доселе неизвестны.

Сравнительный анализ показывает, что нет ни

Слой	Индустрия	Лаб. #	Дата л.н.
17-18	Граветт	ОхА-6882	$30740 \pm 460$
20	Ориньяк	ОхА-6990	$34400 \pm 1200$
В1	Киик-Коба	ОхА-6673	$28840 \pm 460$
В1	Киик-Коба	ОхА-6674	$28520 \pm 460$
С	Восточный селет	ОхА-6672	$32350 \pm 700$
С	Восточный селет	ОхА-6869	$32200 \pm 650$
С	Восточный селет	ОхА-6868	$36700 \pm 1500$

Таблица 1: АМС даты (по кости) для Буран-Каи III<sup>1</sup>

<sup>1</sup>Pettitt in press.

технологических, ни типологических оснований, которые позволили бы связать любые из описанных выше комплексов между собой. Даже в тех случаях, когда для разных индустрий можно как будто говорить о некоторых общих чертах в технологии, сходство оказывается крайне поверхностным. Например, в то время как и киик-кобинский комплекс, и комплекс слоя С характеризуются технологией двусторонней обработки, в первом случае скалывание имеет результатом плоско-выпуклую форму и осуществляется твердым отбойником без посредника с поочередной обработкой поверхностей, а во втором случае это скалывание мягким отбойником, дающее двояковыпуклую форму, причем обе поверхности обрабатываются одновременно, а затем производится утоньшение бифаса с использованием специально выделенных и подготовленных абразивной пришлифовкой площадок.

Хотя коллекция слоя Е невелика, она, как кажется, не имеет каких бы то ни было типологических или технологических коррелятов ни в среднем, ни в верхнем палеолите Крыма. Она не содержит спиралевидно закрученных (twisted) пластинок и кареноидных изделий, нет в ней также ни острый типа Кремс, ни пластинок Дюфур, ни резцов, ни разновидностей костяных орудий, присущих, судя по находкам в Сюрени I, крымскому ориньяку (Demidenko et al. in press). Кроме того, в ней полностью отсутствуют пластинки с притупленным краем и пластинки с краевой ретушью, свойственные раннему граветту слоев 17-18 Буран-Каи III.

Сходным образом, пластины из слоя Е су-

щественно отличаются от таковых в позднем западно-крымском мустье (Chabai 1998): в слое E они толстые, призматические, с нефасетированными площадками и выпуклыми ударными бугорками, а в западно-крымском мустье более тонкие, не призматические, с фасетированными площадками, часто имеющими «губу» (венчик, lip). Около 50% пластин в позднем западно-крымском мустье несут на спинках негативы встречных снятий, тогда как пластины слоя E скалывались исключительно с одноплощадочных нуклеусов.

Типологически индустрии слоя E и западно-крымского мустье также различаются. Для последних характерна типичная среднепалеолитическая чешуйчатая ретушь, а в слое E ретушь либо отвесная, либо плоская распространенная (инвазивная). В западно-крымском мустье нет ни скребков, ни резцов, а орудийный набор состоит из разных типов скребел и удлиненных остроконечников. Комплекс слоя E, напротив, не содержит ни остроконечников, ни ретушированных пластин, столь характерных для западно-крымского мустье.

### Выводы

Стратиграфическая колонка Буран-Каи III никоим образом не может использоваться для обоснования однолинейности развития от среднего к верхнему палеолиту, поскольку представленные в ней комплексы слишком различаются и типологически и технологически. Более того, в то время как по их радиоуглеродному возрасту все комплексы, по существу, одновременны, они достаточно самобытны для того, чтобы исключить всякую возможность диффузии технологических черт. Например, хотя люди, делавшие выразительные костяные орудия, найденные в слое C (d'Errico & Laroulandie in press), жили либо немногим ранее, либо в одно время с изготовителями киик-кобинских материалов слоя B, в последнем, несмотря на обильные фаунистические остатки, нет никаких признаков намеренной обработки кости. Равным образом, специфическая технология скалывания пластин посредством твердого отбойника, характерная для слоя E, не прослеживается ни в одном из стратиграфически более поздних комплексов, даже в слое C.

Если последовательность комплексов Буран-Каи III не может рассматриваться как эволюционный континуум и не дает никаких свидетельств диффузии признаков между комплексами, то как понять ее особенности в локальном и региональном контекстах? Представляется, что на местном уровне важнейшими факторами были чрезвычайно низкая плотность населения и высокая мобильность большинства групп, оставивших описанные выше материалы. Исключением из сказанного о высокой мобильности является, по-видимому, микок киик-кобинского типа, который вполне может представлять единственную группу, постоянно обитавшую в восточном Крыму в то время (Monigal, Marks in press).

На региональном уровне аналогии между материалами слоя C и раннестрелецкими комплексами костенковско-боршевского района, а также сходство между ранним западно-крымским мустье и леваллуа-мустье Днестра, дают дополнительные аргументы в пользу мнения о высокой мобильности этих групп на больших

территориях. То же можно сказать об ориньяке, по крайней мере, если судить по Сюрени I, поскольку наличие многочисленных изделий типа Кремс-Дюфур связывает эту индустрию с северо-западом.

Колонка Буран-Каи III, к сожалению, уникальна, но из этого не следует, что при построении широких эволюционных схем в данном случае необходима особая осторожность. В Крыму конец позднего микока не был просто результатом близости технологически не среднепалеолитических групп людей. Скорее, создается впечатление, что две среднепалеолитических группы — позднее западно-крымское мустье и микок киик-кобинского типа — были в широких рамках одновременны с тремя верхнепалеолитическими — ориньяком типа Кремс-Дюфур, восточным селетом слоя C Буран-Каи III и комплексом из слоя E этого же памятника. Тот факт, что, несмотря на примерную одновременность, диффузия ни в одном из возможных направлений не прослеживается, заставляет предполагать, что либо носители киик-кобинских традиций просто не сочли то, что другие группы могли им предложить, достойным заимствования, либо же контакты, если они вообще имели место, были столь спорадическими и эфемерными, что не оказали совсем никакого воздействия на технологию и типологию вовлеченных в них групп.

Крым, безусловно, не был центром становления верхнепалеолитической технологии и типологии, но комплекс слоя E Буран-Каи III явно свидетельствует о том, что группы с развитой техникой производства пластин посещали полуостров задолго до исчезновения местного микока киик-кобинского типа. То же самое относится и к людям, оставившим материалы слоя C. Хотя эти комплексы, из слоев C и E, заметно отличаются друг от друга и не могут считаться ориньякскими, их правомерно рассматривать как верхнепалеолитические. Фактически, настоящий ориньяк появляется в Крыму, как кажется, довольно поздно (Demidenko et al. in press), по-видимому, немногим раньше прихода граветтского населения. В этом смысле ориньяк не был самой ранней верхнепалеолитической индуст-

рией в Крыму, хотя стратиграфически он, действительно, знаменует конец местного среднего палеолита. В Крыму по крайней мере две неориньякских индустрии предшествуют ориньяку. Поскольку «восточный селет» слоя С Буран-Каи III не имеет ни малейшей связи с теми технологическими чертами, которые определяют ориньяк, пришло, видимо, время признать возможность того, что последний, *per se*,

был не единственной разновидностью начального верхнего палеолита в Европе и что само по себе его появление в том или ином регионе не обязательно означает начало местного верхнего палеолита или даже первое появление анатомически современных людей. Крымские материалы говорят о том, что картина перехода от среднего к верхнему палеолиту была гораздо более сложной.

## ЛИТЕРАТУРА

- Allsworth-Jones P. in press. Dating the transition between Middle and Upper Paleolithic in Eastern Europe. In: G.-C. Weniger (editor) // *Central and Eastern Europe from 50,000 – 30,000 BP*. Neanderthal Museum, Mettmann.
- Amirkhanov H.A., Anikovich M.V. and Borziak I.A. 1993. Problème de la transition du Moustérien au Paléolithique supérieur sur le territoire de la Plaine Russe et du Caucase // *L'Anthropologie* 97 (2/3), 311-330.
- Anikovich M. 1992. Early Upper Paleolithic industries of Eastern Europe // *Journal of World Prehistory* 6 (2), 205-246.
- Bader O.N. 1978. Sungir': an Upper Paleolithic site. Moscow: Nauka. (In Russian.)
- Bar-Yosef O. 1998. On the nature of transitions: the Middle to Upper Paleolithic and the Neolithic revolution // *Cambridge Archaeological Journal* 8 (2), 141-163.
- Bischoff J., Soler N., Maroto J., and Julia R. 1989. Abrupt Mousterian/Aurignacian boundary at circa 40 ka BP: accelerator radiocarbon dates from l'Arbreda Cave // *Journal of Archaeological Science* 16, 563-576.
- Bogutskij A.B., Sytnik A.S. and Yamada M. 1997. Nouvelles perspectives de recherches sur le Paléolithique ancien et moyen dans la Plaine Russe occidentale // *Préhistoire Européenne* 11, 69-84.
- Bonch-Osmolowski G.A. 1940. Kiik-Koba Cave. Vol. 1 of Paleolithic of the Crimea Series. Moscow. (In Russian.)
- Bonch-Osmolowski G.A. 1941. The hand of fossil man from Kiik-Koba rock-shelter. Vol. 2 of Paleolithic of the Crimea Series. Moscow. (In Russian.)
- Bonch-Osmolowski G.A. 1954. The foot and leg bones of fossil man from Kiik-Koba rockshelter. Vol. 3 of Paleolithic of the Crimea Series. Moscow. (In Russian.)
- Bordes F. 1984. Leçons sur le Paléolithique, tome II. CNRS, Paris.
- Cahen D. 1984. Paléolithique inférieur et moyen en Belgique. In: Cahen D. and Haesaerts P. (editors), *Peuples chasseurs de la Belgique préhistorique dans leur cadre naturel* // *L'Institut Royal des Sciences Naturelles de Belgique*, Brussels, 133-155.
- Camps G. 1982. La Préhistoire: à la recherche du paradis perdu // *Librairie Académique Perrin*, Paris.
- Carciunaru M. and Anghelinu M. XXXX. The Carpathic Mousterian and the Transition from Middle to Upper Paleolithic // Weniger G.-C. (editor), *Central and Eastern Europe from 50,000 – 30,000 BP*. Neanderthal Museum, Mettmann.
- Chabai V. in press. The Evolution of Western Crimean Mousterian Industry // Weniger G.-C. (editor), *Central and Eastern Europe from 50,000 – 30,000 BP*. Neanderthal Museum, Mettmann.
- Chabai, V. 1998. Kabazi II: The Western Crimean Mousterian assemblages of Unit II, Level II/7-II/8C // Marks A.E. and Chabai V. P. (editors), *The Middle Paleolithic of Western Crimea*, Vol. 1. ERAUL no. 84, Liège, 201-252
- d'Errico, F. and Laroulandie V. in press. Szeletian worked bones from Buran-Kaya-III site // G.-C. Weniger (editor), *Central and Eastern Europe from 50,000 – 30,000 BP*. Neanderthal Museum, Mettmann.
- d'Errico F., Zilhão J., Julien M., Baffier D., and Pelegrin J. 1998. Neanderthal acculturation in Western Europe? A critical review of the evidence and its interpretation // *Current Anthropology* 39 (Supplement), S1-S44.
- Demidenko Yu. E. , Chabai V.P., Otte M., Yevtushenko A.I. and Tatartsev S.V. In press. Siuren-I, an Aurignacian site in the Crimea (the investigations of the 1994-1996 field seasons) // Otte M. (editor), *Préhistoire d'Anatolie: genèse de deux mondes* (proceedings of the Préhistoire d'Anatolie conference, Liège, 28 April-3 May 1997). ERAUL, Liège.
- Efimenko P.P. 1956. Something new in the problem of the origin of the culture of the Late Paleolithic of Central and Eastern Europe // *Acta Archeologica* 7, Hungarian Academy of Science. (In Russian.)
- Gábori-Csánk V. 1993. Le Jankovichien: une civilisation paléolithique en Hongrie // ERAUL no. 53, Liège.
- Gamble, C. 1986. *The Palaeolithic Settlement of Europe*. Cambridge University Press, Cambridge.
- Gilead I. 1981. Upper Paleolithic tool assemblages from the Negev and Sinai // Cauvin J. and Sanlaville P. (editors), *Préhistoire du Levant*. CNRS, Paris, 331-342.
- Golovanova L.V., Hoffecker J.F., Kharitonov V.M., and Romanova G.P. 1999. Mezmaiskaya Cave: a Neanderthal occupation in the Northern Caucasus // *Current Anthropology* 40 (1), 77-86.
- Hedges R.E.M., Housley R.A., Pettitt P.B., Bonk Ramsey C., and Van Klinken G.J. 1996. Radiocarbon dates from the Oxford AMS system: Archaeometry datelist 21 // *Archaeometry* 38 (1), 181-207.
- Jöris O. and Weninger B. in press. Age conversion of glacial 14C data // Weniger G.-C. (editor), *Central and Eastern Europe from 50,000 – 30,000 BP*. Neanderthal Museum, Mettmann.
- Jöris O. and Weninger B. 1998. Extension of the 14C Calibration curve to ca. 40,000 cal BC by synchronizing Greenland 18O/16O ice core records and North Atlantic foraminifera profiles: a comparison with U/Th coral data. In *Proceedings of the 16th International 14C Conference*, edited by W. G. Mook and J. van der Plicht. *Radiocarbon* 40 (1), 495-504.
- Karavanic, I. in press. Olschewian and appearance of bone technology in Croatia and Slovenia // Weniger G.-C. (editor), *Central and Eastern Europe from 50,000 – 30,000 BP*. Neanderthal Museum, Mettmann.
- Kolosov Yu. G. 1979. A new Mousterian site in Prolom Cave // Kolosov Yu. G. (editor), *Investigations of the*

- Paleolithic in Crimea. Naukova dumka, Kiev, 157-171. (In Russian.)
- Kolosov Yu. G. 1983. The Mousterian sites of the Belogorsk district. Naukova dumka, Kiev. (In Russian.)
- Kozłowski J. K. 1998. The Middle and the Early UP around the Black Sea // Akazawa T., Aoki K., and Bar-Yosef O. (editors), Neandertals and Modern Humans in Western Asia. Plenum Press, New York, 461-482.
- Marks, A. E. In press. A new Middle to Upper Paleolithic «transitional» assemblage from Buran-Kaya-III, Level C: a preliminary report // Otte M. (editor), Préhistoire d'Anatolie: genèse de deux mondes (proceedings of the Préhistoire d'Anatolie conference, Liège, 28 April-3 May 1997). ERAUL, Liège.
- Marks A.E. and Almeida F. 1996. The Late Aurignacian and «Aurignacian» elements in the Upper Paleolithic of the Portuguese Estremadura, Portugal // Montet-White A., Palma di Cesnola A. and Valoch K. (editors), Colloquium XI: the Late Aurignacian, Proceedings of the XIII Congrès Internationale UISPP, Forlì, 1996, vol. 6. Abaco, Forlì, 11-21.
- Marks A. E. and Monigal K. 1995. The Production of elongated blanks from the Early Levantine Mousterian at Rosh Ein Mor: a technological perspective // Dibble H. and Bar-Yosef O. (editors), The Definition and Interpretation of Levallois Technology. Prehistory Press, Madison, 267-278.
- Mellars P. 1996. The Neanderthal Legacy. Princeton University Press, Princeton.
- Monigal K. and Marks A.E. In press. The Middle Paleolithic site of Starosele (Crimea, Ukraine) and its place in the Eastern European Micoquian // Kolesnik A. (editor), The Paleolithic of the Eastern European Plain. Archaeological Anthology (Archeological Almanac) 8, Donetsk.
- Oakley K. 1961. Man the Tool-Maker. The British Museum, London.
- Oliva M. 1991. The Szeletian of Czechoslovakia // Antiquity 65, 318-325.
- Otte M., Boëda E. and Haesarts P. 1990. Rocourt: industrie laminaire archaïque // Helinium XXIX (1) 3-13.
- Pettitt P. and Trinkaus E. in press. The chronology of late neanderthals and early modern humans in Central and Eastern Europe: direct AMS radiocarbon dating of human remains and of late Middle and Early Upper Paleolithic sites // Weniger G.-C. (editor), Central and Eastern Europe from 50,000 – 30,000 BP. Neanderthal Museum, Mettmann.
- Pettitt P. in press. C14 Datings of the Late Middle Palaeolithic and Early Upper Palaeolithic assemblages of the Crimea // Otte M. (editor), Préhistoire d'Anatolie: genèse de deux mondes (proceedings of the Préhistoire d'Anatolie conference, Liège, 28 April-3 May 1997). ERAUL, Liège.
- Prosek F. 1953. Széletien na Slovensku // Slovenská Archeologia I, 133-194.
- Révillion S. 1993. Les industries laminaires du Paléolithique moyen en Europe septentrionale: l'exemple des gisements de Saint-Germain-des-Vaux/Port Racine (Manche), de Seclin (Nord), et de Rencourt-les-Bapaume (Pas-de-Calais). Ph.D. diss., Université des Sciences et Technologies de Lille.
- Richter D., Rink W.J., Schwarcz H.P., Wagner G.A. and Waiblinger J. in press. New Thermoluminescence dating of Middle and Upper Paleolithic cave sites in Southern Germany // Weniger G.-C. (editor), Central and Eastern Europe from 50,000 – 30,000 BP. Neanderthal Museum, Mettmann.
- Richter J. 1997. Der G-Schichten-Komplex der Sesselfelsgrötte: zum Verständnis des Micoquien. Quartär-Bibliothek 7. Saarbrücken: Saarbrücker Druckerei und Verlag GmbH.
- Stepanchuk V.N. 1991. The Kiik-Koba Mousterian Culture. Ph.D. diss., Institute of Archeology, Saint Petersburg. (In Russian.)
- Stringer C. and Gamble C. 1993. In Search of the Neanderthals. Thames and Hudson, London.
- Svoboda J., Lozek V., and Vıcek E. 1996. Hunters between East and West. Plenum Press, New York.
- Tsonev T. in press. Factors for Middle - Upper Paleolithic Transition in Eastern Balkans // Weniger G.-C. (editor), Central and Eastern Europe from 50,000 – 30,000 BP. Neanderthal Museum, Mettmann.
- Uthmeier T. in press. Stone tools and subsistence patterns during the late Middle Paleolithic and the beginning of the Upper Paleolithic along the Danube Valley in Bavaria (Germany) - A regional approach // Weniger G.-C. (editor), Central and Eastern Europe from 50,000 – 30,000 BP. Neanderthal Museum, Mettmann.
- van Andel T. 1998. Middle and Upper Paleolithic environments and the calibration of <sup>14</sup>C dates beyond 10,000 BP // Antiquity 72, 26-33.
- van der Plicht J. 1999. Radiocarbon calibration for the Middle/Upper Paleolithic: a comment // Antiquity 73, 119-123.
- Yamada M. 1996. Etude préliminaire sur l'industrie de la dernière phase du Paléolithique moyen dans le site de Buran-Kaya-III en Crimée orientale (Ukraine) // Préhistoire Européenne 9, 11-30.
- Yamada M. and Yanevich A.A. 1997. Excavations at the site of Buran-Kaya-3 in eastern Crimea // Archaeological Research in Crimea: 1994. SONAT, Simferopol, 277-281. (In Russian.)
- Yanevich A.A., Marks A.E. and Uerpman H.-P. 1997. A bone handle from Buran-Kaya-III: the earliest known in the Crimea // Préhistoire Européenne 11, 85-88.
- Yanevich A.A., Stepanchuk V.N., and Cohen Yu. 1996. Buran-Kaya-III and Skalistiy rockshelter: two new dated late Pleistocene sites in the Crimea // Préhistoire Européenne 9, 315-324.
- Zebera K. 1958. Ceskoslovensko ve starsi dobe kamenne // Nakladatelství Československé Akademie Ved, Prague.
- Zilhão J. 1998. The extinction of Iberian Neandertals and its implications for the origins of modern humans in Europe // Facchini F., Palma di Cesnola A., Piperno M., and Peretto C. (editors), Lower-Middle Paleolithic (sub-section 5.5), Proceedings of the XIII Congrès Internationale UISPP, Forlì, 1996. Abaco, Forlì, 299-312.